

Звонок в Москву

«Пойте: жизнь зовет!»

Очень люблю народного артиста СССР Евгения Леонова. Даже на работе пришлось из-за него поспорить. Все говорят, что если бы он не оказался в момент болезни в ФРГ, то вряд ли бы жил. Разве у них другие лекарства или другие знания? Интересно, а как считает сам Леонов!

г. Толочин.

Т. БЕРДНИКОВА.

Беспокоить больного человека было боязно. Но тревога за актера тотчас прошла, когда в телефонной трубке раздался веселый голос любимого всеми Винни Пуха.

приказал моим забыть слезы, вздохи, выбросить из головы черные мысли и петь. По его теории, весь разговор на уровне губ я не мог услышать, ибо был уже далеко на небесах. Хирург так и сказал: зовите его обратно, он должен знать и слышать, что его жизнь зовет. Жена, сын пели мне любимые стихи, таким же образом рассказывали о делах в Москве, о том, что я буду играть еврейского Лира—Тевье-молочника по пьесе Шолом-Алейхема.

— Кто звонит людям по утрам, тот поступает мудро... Еще немного, и вы бы меня не застали. Ушел бы гулять. Знаете, раньше некогда было замечать, до чего чудесна осень. Спектакли, съемки, репетиции, а теперь смотрю на деревья — стоят, как горящие свечи, и не хочется уходить из парка.

Самое интересное, что будучи без сознания, я улыбался под их пение, чмокал губами, это очень радовало врачей, и он просил: «Пойте, пойте!» Лекарств в этот момент получал минимум.

— Евгений Павлович, ходят слухи, что если бы вы не были в тот момент на гастролях в ФРГ, неизвестно, чем бы все это закончилось. Немецкие медики совершили чудо.

Вот под эту теорию меня и готовили к сложнейшей операции — пересадке сосудов. Я выжил на удивление всем, случай моего исцеления редчайший — один на десять тысяч.

— Должен признаться, что наши врачи не хуже, а вот подход к больному у тех другой. Мыслят они нестандартно. Инфаркт случился на сцене. Тяжелейший. А через четыре дня второй. Девятнадцать суток без сознания. Меня увезли на операцию. Открываю глаза — за руку держит человек в белом халате и спрашивает на хорошем русском:

— Ну и как все же на том свете?

— Ну как там, на том свете, рассказать можете?

— Красиво. Исчезает тяжесть, боль, летишь вверх, земля становится маленькой и очень дорогой. Видишь краски, свечения, каких в нормальном состоянии не встречаешь. Правда, до цели-то я не долетел, так что как там на самом деле — утверждать не могу. Поживем — увидим. Но, удивительное дело, после того, что пережил, своя беда не беда. Усиливается общечеловеческая, и так хорошо думаешь о людях.

Оказывается, все обращения ко мне врач выучил по-русски. И пока я был без сознания, вызвал жену, по 6—7 раз беседовал со мной. Рядом со мной сидел сын, он тоже был на гастролях в Гамбурге, ему надо было ехать дальше с театром в Мюнхен, горел спектакль, а тут — беда. Хирург

СВЕТОЛА БЕЛОРУССКАЯ

г. Минск

1 2 ноя 1989